

Слово об Алексее Михайловиче Салмине

Mon cher, ты любишь этот мир
В его минуты роковые?!
Ты иль вампир, или банкир,
Или умом постиг Россию.
А. Салмин. Роковое.

И народы поменялись,
И режимы и уклады,
Неизменными остались
Азиопские громады.
А. Салмин. Продолжение темы

Алексей Михайлович Салмин – политический мыслитель, историк, социолог и политолог, политический советник, человек универсальных знаний, знаток светской и религиозной, античной и новейшей философии, «русский европеец», как назвал его кто-то из коллег, общавшийся на пяти языках с крупнейшими учёными и известными политиками, стоял, по словам его друга академика Юрия Пивоварова, в одном ряду с Алексеем Хомяковым, Константином Леонтьевым, Сергеем Аверинцевым, Алексисом де Токвилем, и составил эпоху в политической науке. Это становится яснее по мере включения в процесс умопонимания России новых поколений исследователей, стремящихся вновь и вновь постичь «азиопские громады».

Перу А. М. Салмина принадлежит около 300 научных работ, в том числе 1700 страничное 5-томное издание его творческого и научного наследия, ставшее возможным благодаря усилиям российских и зарубежных коллег учёного. Среди трудов Салмина выделяется фундаментальное исследование «Современная демократия», увидевшее свет в трёх различающихся версиях: если издание 1992 г. имело подзаголовок «Генезис, структура, культурные конфликты. Опыт Франции в сравнительной ретроспективе» и состояло из пяти частей и 11 глав, то издание 1997 г. получило подзаголовок «Очерки становления», сократилось до 3 частей и 9 глав, но одновременно увеличилось по объёму почти на треть. Издание 2009 г. с подзаголовком «Очерки становления и развития» стало последней, посмертной, авторской редакцией книги.

Читать Салмина непросто, работа с его текстами предполагает основательную интеллектуальную подготовку. Приведём два, взятых почти

наугад, фрагмента – из первой главы «Демократии»: «Паскаль и Кант, каждый по-своему, переводят на язык рационализма то, что на языке Евангелия предстаёт как изложение сути всех заповедей...» (чуть раньше и чуть позже в исследовательский дискурс включены Поппер, Платон, Руссо, Гоббс, Маркс, Ключевский, Энгельс, Победоносцев, Сен-Жюст, Локк, Фрейд, Гегель, Спиноза, Руссо, Бёрк, Болингброк и, конечно, Токвиль) и из заключения книги: «...Глобальные Афины в холодной «пелопоннесской войне» нанесли поражение глобальной Спарте, но они ли оказались действительными победителями? Как и почти две с половиной тысячи лет назад, ответ на этот вопрос по меньшей мере спорен. На пути дальнейшего развития идеалов и приёмов западной демократии оказываются не только «третий мир» с его экономической отсталостью, не только мир ислама с его культурной инородностью, но и экономика самого же Запада, наиболее эффективный сектор которой действует, исходя из принципов, совершенно чуждых собственно демократическим». Таковы система мышления, анализа и стиля учёного, свободно перемещавшегося сквозь пространства и эпохи, сопоставляя и соединяя множество людей, идей, культур и практик: «Чем шире контекст, тем естественнее дополняют друг друга отдельные представления».

Чтобы читать Салмина, необходимо понимание или хотя бы представление о предмете его изысканий, о методологии и теоретических подходах, значение которых, уверен, будет расти. Салмин так определял предмет своих исследований: «Всё то, что представляется интересным в данный момент». В круг «интересного» для него входили политическая и социальная история, история культуры, политические институты, политическая культура, конституционализм, межэтнические и межконфессиональные, церковно-государственные отношения, проблемы государственного устройства и федерализма, международной и внешней политики, вопросы текущей политики и глобального прогнозирования, институциональные и культурные основания демократии, политическая роль интеллектуальных элит и прочее, и многое другое. По его словам, методы политической социологии как эмпирической науки позволяли определить значимость новых проблем, сформулировать их как практические задачи, а потом – описывать решение в политико-философских терминах.

Политическая философия и социология политики применительно к России, – говорил в 2002 г. А. М. Салмин в интервью автору этих строк, – это более определённые категории, чем "политология": «С одной стороны –

метафизика власти, анализ оснований её легитимности, интеллектуальной, культурной обоснованности тех или иных политических форм, решений, идентификаций и т. д. С другой – эмпирическое изучение политики, в том числе «ретроспективный и сравнительный анализ политических явлений». Наука о политике на отечественный лад, полагал учёный, будет складываться как органическое целое, а не просто как механическая совокупность различных более или менее полезных дисциплин, вместе со складыванием самого общественного организма, который она изучает и который она направляет, в то же время, подсказывая (хоть иногда и неправильно), как ему развиваться.

Уже в начале 1990-х годов, Салмин определял преимущественный предмет политологии, отличный от предметов политической экономии, социальной политики и государственного права, как «интегральный процесс саморазвития политики», эволюции и взаимодействия конституирующих её структур. Иными словами, это «сама политика во всех её достаточно непредсказуемых самовыявлениях и саморазличениях, а не её какой-то заранее определённый аспект». Исследование общества в модусе политики, а не просто констатация её несводимости к другим параметрам общественной организации, – такова задача социологии политики, занимающейся всеми аспектами властных отношений.

Политический консенсус – устойчивое равновесие весьма интегрированных систем ценностей, единство несовместимых начал, – по мнению Салмина, имеет государствообразующее значение, «сменяющие друг друга инерционные модели являются самостоятельными историческими типами государства, политической культуры, которые следует отличать, с одной стороны, от национальных типов, а с другой – от совокупности тех форм, которые индуцируются в государственных организациях историческими типами экономического развития».

«Политическая наука» как сосредоточенная, тяготеющая к профессионализации саморефлексия политики, считал А.М. Салмин, обладает скромными возможностями объяснения реальности и самостоятельного воздействия на неё. Нормативная цель политической науки, верной своему назначению, — постижение сути культурных конфликтов, лишь опосредованно выраженных в действиях наличных политических сил, которые изучаются конкретными политологическими дисциплинами. Процесс понимания конфликтов важнее результата, полагал учёный. Задачу устройства решает (или не решает) политика в целом: между политической теорией и практикой – огромная, непредсказуемая в своих

конкретных проявлениях сфера, в которой по общим законам политики, логоса, космоса, но также и по своим частным, действуют «опосредующие» структуры.

В каждой развитой стране, чего-то стоящей в культурном, научном смысле, нужна своя политическая наука, имеющая, при этом, универсальную ценность. Политологии, как таковой, в XIX в. не было - ни у нас, ни на Западе. Начиная с реформ Александра II и до революции, в России постоянно велась более или менее публичная дискуссия о том, что происходит в обществе, как оно должно организовываться и управляться. Это темы политической науки, но ещё не сама политология, они ещё не составляют "политологического синтеза". Процесс синтеза всё ещё продолжается, он создаётся поколениями.

По мнению А. М. Салмина, возможные системные причины неудач и провалов в немалой степени связаны с отсутствием рефлексии по поводу природы того, что по определению должно быть простым послушным орудием верховной власти – государственного аппарата. До сих пор не решена важнейшая проблема – что представляет собой российское государственно-общественное "тело" и каков его политико-правовой "скелет". Парламентаризм, федерализм и самоуправление воспринимаются преимущественно в западном политико-философском контексте – как способы разделения властей с целью ограничения центральной исполнительной власти. Но это понятие для России – абстракция, за ним скрывается глубоко противоречивое "двуединство" верховной власти и бюрократии. Надо понять, в чём наши реальные проблемы. «Это не проблема социальной структуры, не отсутствие среднего класса, это всё разговоры на языке XIX века! У нас дефицит тонких форм социальной самоорганизации, которые, помимо прочего, делали бы общество в целом конкурентоспособным в современном глобализирующемся мире. Эти формы невозможно создать, не опираясь на традиции, не выявляя их и их не развивая».

Россия находится на историческом распутье, утверждал А. М. Салмин, когда приходится переосмысливать прошлое и прогнозировать будущее политики. Задача отечественной политической науки - предложить общественно значимую стратегическую инициативу, цель которой – выработка действительно современной, не ниже мирового уровня, программы развития страны на длительное время. Чтобы не остаться безнадежно провинциальной, российской политологии надо решать не столько проблему "встраивания" в западную политическую

науку, сколько проблему универсального осмысления того, что происходит с миром.